

Песнь заполярного огурца. О литературе, любви, будущем

Автор:

Дмитрий Быков

Песнь заполярного огурца. О литературе, любви, будущем

Дмитрий Львович Быков

Библиотека Русского пионера

Писать в «Русский пионер» Дмитрий Быков начал три года назад и, как многие авторы этого издания, печатал там в основном то, что напечатать где-нибудь ещё было невозможно.

Эта книга – откровенные и смелые высказывания на заданную тему. Дмитрий пишет о литературе, любви, будущем и много ещё о чём.

Каждая новая страница – часть одной большой системы, структуры, сети: какой – поймёт внимательный читатель.

Дмитрий Львович Быков

Песнь заполярного огурца. О литературе, любви, будущем

© Быков Д., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

От автора

Публикации в «Русском пионере» имеют для меня особое значение. Собственно, и статус «Пионера» в русской журналистике особенный. Общеизвестно: если прибавить к любому понятию определение «русский», выходит немного как бы троллинг, то есть издевательство. Или по крайней мере некоторый сдвиг по отношению к общепринятому: русский бизнес – это не совсем бизнес, русский размер – это размер, не лезущий ни в какие ворота, ну и русский пионер – это журнал «Пионер» тех времен, когда без слова «русский» просто неприлично было выйти в люди.

В некотором смысле он действительно восходит к журналу «Пионер», где лучшие дети, школьная элита, рассказывали о своих приключениях, увлечениях и хобби. Пионеры подросли и стали элитой постсоветского общества, то есть действительно первыми. Но увлечения у них по-прежнему остались, а главное – им по-прежнему хочется рассказывать о себе в журнале. Только это должен быть очень хороший журнал, адресованный именно им и таким, как они.

А еще они пионеры потому, что девиз пионера «Будь готов!». И они действительно всегда готовы. Ко всему. Это очень чувствуется в их текстах. Это тексты людей, находящихся как бы по другую сторону, за гранью дозволенного и возможного. Мне кажется, в России очень правильно быть готовым. Как и находиться за гранью дозволенного, если получится.

Этот журнал возглавляет Андрей Колесников – по моему глубокому убеждению, журналист номер один, признанная звезда кремлевского пула. Его Путин видел, как повествуется в одной из лучших его книг. Он сделал невозможное – научился писать о Путине смешно, но так, чтобы смешно было и самому Путину. Он успел укоренить, так сказать, легитимизировать этот стиль в те времена, когда Путин еще не был единственным гарантом существования России, когда он не вполне забронзовел и даже ценил в подчиненных некоторую дерзость. А теперь и Колесникову уже поздно меняться. Как пронцательно заметил Виктор Пелевин, в России первоначальное накопление является также и окончательным – то есть кто чего успел хапнуть в момент перемен, тот с тем и останется на всю стабильность. Колесников успел закрепить за собой право писать вот так, с долей здорового абсурда, иногда на грани фола, и теперь им обоим – ему

и Путину – уже поздно меняться. Не побоюсь сказать, что Колесников – последний привет нам из тех времен, когда власть еще считала, что опираться надо на профи. С тех пор профи вытеснены почти из всех сфер, в том числе из журналистики, и заменены на идейно своих, классово близких и физиогномически родственных. Но Колесников остался. Наверное, потому, что им действительно весело его читать. Они же вообще веселые ребята, любят пошутить и наверняка в своем кругу от души хохочут над всякими там скрепами.

Колесников перезнакомился со всеми первыми лицами и решил делать про них журнал. Не только про министров и олигархов, разумеется, а про лидеров общественного мнения, культурных героев и духовных вождей. Он собрал по своему вкусу лучших журналистов, знакомых ему еще по «Столице» – очень недурному журналу. Привлек Андрея Макаревича и даже Марлена Хуциева, который в свои 92, дай Бог ему здоровья, пишет динамичнее многих молодых. Как бы лучшим – лучшее, избранным – избранное. Печататься в этом журнале стало престижно даже для тех, кто уже выше любых понятий о престиже; для тех, кого простому человеку было бы сверхпрестижно поцеловать страшно сказать куда. Но они там печатаются, и журнал «Русский пионер» будет успешно существовать даже тогда, когда здесь вообще не останется ни бумажной прессы, ни прессы, ни бумаги. Я даже думаю, если у последних граждан России будет выбор – напечатать на последнем рулоне бумаги немного денег или последний номер «Русского пионера», они выберут «Пионер». Потому что деньги у них есть и так, и от них уже не будет никакого толку.

Я попал в этот избранный круг, в общем, случайно. Я ничего не делаю для того, чтобы понравиться избранным читателям, и не уверен, что нравлюсь им, но мне очень симпатична большая часть пионерских колумнистов – скажем, Бильжо, или Ольга Аничкова, или сам Колесников, чьей дружбой я горжусь без всякой иронии. И мне нравится колесниковский способ проверять качество текстов: он устраивает так называемые пионерские чтения, во время которых авторы читают свои опусы вслух. Это замечательный контроль качества: чтение вслух выдерживает далеко не всякий текст. Однажды Лев Толстой услышал – ему уже было лет 80, – как семья вечером читает какую-то прозу, прислушался и подошел поближе: удивительно хорошо написано! Оказалась «Анна Каренина». А если слушать такое чтение скучно, то, значит, и писать не стоило.

Номера «Пионера» строятся по тематическому принципу, вокруг какой-нибудь глобальной и абстрактной проблемы вроде нефти или связи; это не только дает журналу конкретного рекламодателя – тоже дело в наше время не последнее, –

но и заставляет колумнистов поупражняться в свободном ассоциативном мышлении, в поиске прихотливых сюжетных поворотов. Я очень люблю фантазировать на вольную тему, потому что какой-то дисциплинирующий контроль нужен всякому сочинителю – будь то заданная тема для импровизации, объем, формат или запрет. В «Пионере», кстати, запретов нет. Элите в России действительно многое позволено. Самым свободным лагерем в СССР был «Артек». Да и оппозиционеры тут обычно куются из числа элиты – у них есть чувство собственного достоинства, они не всегда позволяют наступать на свои интересы, у них есть образец в виде декабристов или диссидентствующих академиков. Так что для «Русского пионера» я стараюсь писать хорошо. И поскольку это пишется на заданную тему, то выходит обычно более откровенно, чем даже в стихах: работая в формате, проговариваешься непреднамеренно и потому искренне.

Мне кажется, «Пионер» – последний по-настоящему свободный журнал нашей эпохи. Там даже Путин печатается. Я не склонен считать его самым свободным человеком нашей эпохи, да и самым безнаказанным – вряд ли. Но ему пока можно больше остальных. Здесь собраны очерки и рассказы, в которых я тоже позволил себе чуть больше обычного – не в политическом смысле, а вообще.

Будьте готовы!

Дмитрий Быков

Пенсионная Россия

Утопия

Любому новому человеку, который придет к власти в России, будет очень трудно.

Трудно ему будет независимо от того, как он к ней придет. Законным путем, посредством выборов, в результате назначения, престолонаследования или визита инопланетян. Визит инопланетян даже более вероятен, чем смена власти на выборах, поэтому зарекаться нельзя ни от чего, но и самому легитимному,

самому любимому наследнику будет очень трудно. Особенно трудно будет тому, кого вознесет волна народной любви. Народ немедленно потребует соответствовать своим чаяниям, а чаяния у него меняются по настроению. Надо будет сразу показать доброту и одновременно силу, открутить гайки и показать, что распускаться нельзя, помиловать всех политзаключенных и немедленно расстрелять, чтобы народ понял, с кем имеет дело. Так что первый шаг нового правителя России – подчеркиваю, нового, а не старого в новом статусе, – должен продумываться заранее, очень тщательно; я даже думаю, такой шаг может быть единственным. В 1990 году я интервьюировал в Токио японского премьера (тогда уже бывшего) Накасонэ и спросил – какие ошибки, по его мнению, делает Горбачев. «Никаких, – ответил хитрый японец. – Потому что в сложившейся ситуации ему остаются единственные ходы». Подозреваю, что предлагаемая программа – единственная, у которой есть шанс понравиться всем. Более того, она абсолютно выполнима. И еще более того – все остальные уже доказали свою невыполнимость. Так что если вы меня слушаете, успех я вам гарантирую. И все это совершенно бесплатно, потому что в прекрасной России будущего, подсказывает мне интуиция, лучший приз – это удаленность от власти.

Итак, программа «Пенсионная Россия».

Так же, кстати, будет называться и партия власти, приниматься в которую будут все без исключения по достижении пенсионного возраста. О пенсионном возрасте чуть ниже.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ. В любой стране приживается только то, что соответствует ее психологическому возрасту. Возраст страны тоже существует, это обосновал Шпенглер в «Закате Европы» и повторил Лев Гумилев в своей беллетристике. Россия сейчас на пенсии. Для нее характерны все черты пенсионера, а именно:

1. Она хочет ничего не делать, и чтобы все ее за это уважали. Она уже поработала, теперь имеет право. Предки полили ее потом, кровью, вообще всем, завоевали огромные территории, теперь она может качать нефть и почивать на ней.
2. У нее все в прошлом. В нем она имела великие заслуги – культурные, научные и военные. Теперь ее главное занятие – напоминание об этих заслугах, борьба за них, постоянное перечисление обидчиков, желающих переписать ее трудовую книжку. Когда-то она была ого-го, сейчас весь ее статус удерживается на

великих воспоминаниях, и все родственники почтительно склоняют головы перед этими заслугами. Что и как там было – никто копать не хочет, хотя есть основания полагать, что имеются некие старческие преувеличения по части альтруизма и героизма, что кое-какие подвиги очень сильно мифологизированы, а некоторых просто не было. Но надо быть конченой сволочью (sic!), чтобы теперь копать в прошлом старого человека, на чьих легендах и мифах о собственном величии выросло несколько поколений его детей и внуков. Отнимать у них память об этом постоянном брюзжании, отравившем их детство, как минимум бесчеловечно.

3. Как уже было сказано, она все время брюзжит. Ей все не нравится – Восток, Запад, свои, чужие, – потому что в душе она сама ужасно себе не нравится. Она плохо помнит, какой была, но ясно сознает, что была не такой. Ей невыносимо это новое состояние, она привыкла, что она в статусе молодого варвара и все ее уважают за эту прекрасную дикость, – теперь варвар тоже пошел не тот, да все не то! Никто не вызывает у нее одобрения, а больше всего она ненавидит неблагодарных родственников. Налицо главная примета некрасивой старости – бесконечные тяжбы с родней, которая хочет жить отдельно.

4. Старческое скопидомство. У старости всего очень мало, в особенности денег. Резервы есть, но невозобновляемые. Тратим только на то, чтобы произвести впечатление. Например, созовем гостей, нажарим, наварим на десятерых, хотя придут трое, остальные нос воротят. Потом месяц доедаем и выбрасываем, еще месяц во всем себе отказываем.

5. Страх и враждебность относительно всего нового. Цепляемся за старые вещи и обычаи, новыми пользуемся, как айфоном, но скрыто ненавидим. Шпионим за домашними – не пишут ли они в этом айфоне чего-то крамольного. В новой стиральной машине обязательно сидят жучки или просверлены дыры коварными изготовителями. Новый диван не покупаем, хотя в старом клопы. Но это наши клопы, в них наша кровь, которую проливали наши деды.

Все перечисленное превращает Россию в классического старца, который во вчерашнем дне не уверен, сегодняшней ненавидит, а о завтрашнем не думает вовсе, потому что его может и не быть. Успех реформатора здесь может быть связан только с пенсионной реформой, и потому она – последнее, что несколько взбудоражило засыпающую в деменции страну. Она не готова выходить на улицы за вещи, нужные молодым, – здоровую экономику, справедливые суды, свободу слова; она все это в гробу видала, поскольку в нем практически и

находится. Но пенсия – это не трюк. Пенсия – это последнее, о чем она беспокоится и за что может полюбить. Поэтому все действия руководства должны быть направлены только на обеспечение старости. В конце концов, детей всегда меньше, чем стариков, и объясняется это просто: вся мировая наука работает над ростом продолжительности старения, и весь прогресс при этом направлен на сокращение детства. Большинство детей, оснащенных айфонами, самостоятельны уже в семь лет, а половую жизнь начинают, едва перевалив за десять; водить машину, самостоятельно готовить и зарабатывать современный ребенок уверенно может в двенадцать. К пятнадцати он готов отселиться и зажить своим домом. Напротив, старость у многих начинается уже в сорок, к шестидесяти стариками считают себя уже все, а жить припеваючи – и даже причитаючи – можно хоть до ста. И если во всем мире люди стареть не хотят и отрешиваются от слова «старик» даже в семьдесят, – у нас так обзывают друг друга и в двадцать, а лихорадочно следить за здоровьем начинают со старших классов. В России старость не позорна, а козырна; чем скорее достигнешь ее, тем раньше сможешь ни за что не отвечать, ничего не делать, постоянно смотреть телевизор и в любом диалоге кивать на великое прошлое. Древний восточный принцип недеяния нигде не обрел такой популярности, как здесь, а уж в Китае, на его Родине, он вовсе погран. И потому радикальная пенсионная реформа сможет обеспечить вам в России недолгую добрую память. Недолгую – потому что долгой у старцев не бывает. У них склероз.

МЕРОПРИЯТИЯ:

1. С момента достижения совершеннолетия все население России официально объявляется пенсионерами и переводится на полное пенсионное обеспечение в размере 10 МРОТ. Объясняется это тем, что ущерб государству в любом случае будет меньше, потому что вы сами видите, как они работают. Если даже силовики – традиционные символы профессионализма – стали позволять себе проколы вроде как во всей истории со Скрипалями, чего требовать от остальных? Гастарбайтеры могут и должны полностью обеспечить российские потребности во всех сферах жизни. Учителя не нужны в условиях поголовной интернетизации населения, поскольку все ответы легко найти в интернете, там есть все телефоны, по которым легко заказать необходимые продукты. Обучать тех немногих, кому это действительно интересно, можно за границей. Заграница нам поможет, поскольку в условиях поголовного перевода российского населения на пенсию оно будет представлять гораздо меньшую опасность для остального мира. Врачи могут быть полностью заменены гастарбайтерами или представителями народной медицины, у которых предпочитают лечиться

отечественные пенсионеры. Спецслужбы переводятся на пенсию в полном составе. Внутренние враги вербуются на добровольной основе и набираются в количестве 5 на одну единицу сотрудника внутренних органов. Государство берет на себя обязательство двойного пенсионного обеспечения внутренних врагов и регулярный показ их по телевидению в ток-шоу Владимира Соловьева, Дмитрия Киселева и Андрея Норкина. Киселев, Соловьев и Норкин получают 50 МРОТ без права выхода на пенсию.

2. Желающие могут работать, если им уж очень нейдет, но в этом случае штрафуются на 5 МРОТ, чтобы компенсировать ущерб, нанесенный их трудом. Фотографии работающих вопреки тенденциям и законодательству вывешиваются на специальных стендах позора вроде давешних стендов с врагами народа, а раньше – с ударниками производства. Профилактика трудоголизма становится одним из главных направлений воспитания подрастающего поколения. Специальные лечебно-пенсионные профилактории отлавливают отъявленных. В профилактории привязанных к койкам больных заставляют круглосуточно просматривать советские производственные драмы с последующим пересказом содержания. Для упорных предусмотрена электрошокотерапия. Законодательно изменяется значение слова «тунеядец». Тунеядцами объявляются все, кто работает, поскольку этимология слова – «втуне яст», т. е. зря жрет. Человек ест, чтобы жить в свое удовольствие, а не ради примитивного труда.

3. Срок службы в Вооруженных силах для офицеров сокращается до 5 лет, после чего офицер выходит на пенсию с правом рабовладения. Рабы зачисляются из врагов народа и гастарбайтеров.

4. Гастарбайтер может выйти на пенсию лишь после получения статуса гражданина России, каковой статус присваивается лишь после выхода на пенсию. Исключение составляют рабы офицеров-пенсионеров, которым гражданство предоставляется после получения прописки, которая, в свою очередь, предоставляется после приобретения квартиры. Квартира приобретается после выхода на пенсию – всеми, кроме офицеров и представителей спецслужб. Внутренние враги имеют специально оговоренные льготы.

5. Гастарбайтеры не имеют права зачисления во внутренние враги, каковой статус присваивается лишь после приобретения прописки.

6. Вечный российский вопрос «Где деньги?» перестает иметь какое-либо значение. Денег будет завалось. Весь внешний мир обязан содержать Россию за великие былые заслуги и за гарантированное международными договорами воздержание от новых заслуг. Важным источником денежных средств станет официальная плата иностранных государств за отправку к ним всех выпускников средних школ, чей IQ превышает так называемый госмаксимум, т. е. 100. Таким образом утечка мозгов станет наконец важной доходной статьей.

7. Никакого разоружения! Напротив, производство и применение вооружения становится излюбленным хобби большей части населения. Все производственные площади, а также значительная часть регионов Крайнего Севера и тайги, согласно международным договорам, отдается под ядерные полигоны. Внешнее применение ядерного оружия исключается по секретному приложению, о котором население не знает. Регулярные ядерные взрывы становятся лучшим средством национальной психотерапии. Почетных пенсионеров, пребывающих на пенсии 30 и более лет, можно поощрить личным нажатием на кнопку с последующим прослушиванием стонов зараженных и раненых из американских кинофильмов соответствующей тематики.

8. При выходе на пенсию каждому пенсионеру вручается телевизор без кнопки «Выкл.», круглосуточно подключенный к сети электропитания. Попытка отключения телевизора карается запретом на получение пайка.

9. Почетный пенсионер имеет право избирать и быть избранным, приобретать и потреблять алкоголь, выезжать за границу и посещать страны, официально уничтоженные ядерным взрывом. Конечно, в его мозгу может возникнуть определенный когнитивный диссонанс, но с высокой долей вероятности ему будет уже все равно.

10. Глава государства выходит на почетную пенсию в момент инаугурации и остается в должности вплоть до физического исчезновения. Журнал «Русский пионер» переименовывается в журнал «Русский пенсионер» и становится единственным бумажным СМИ, а также единственным местом работы для членов правительства, которые, если захочется, пишут и зачитывают вслух веселые колонки. Их обязанности в это время исполняют гастарбайтеры, поощряемые пропиской.

Автор убежден, что кандидат с такой программой будет избран пожизненным президентом России. В случае его успеха для себя я желал бы только одного – права пожизненного лишения телевизора с сохранением прописки с правом ежемесячной колонки в журнале «Русский пенсионер» и зачтения ее при одновременном потреблении пайка.

Отчуждающие

Мы были знакомы пять дней, и вышло так, что ей надо было ехать на родину, в южный город, который всегда у меня ассоциировался с помидорами, сушеной рыбой, провинциальной пылью и с одним поворотом на пути из Крыма: прямо было на Запорожье, а направо – на него. Я тогда еще каждый год ездил на машине в Крым, во что теперь трудно поверить, и верный «жигуль» меня ни разу не подводил, и каждый раз, возвращаясь из Гурзуфа, я думал об этом южном пыльном городе как об утраченной возможности. Свернуть бы, продлить отпуск – тоже ведь у моря! Но ни разу не свернул, а то бог знает, как бы все обернулось. Там однажды в полуголодной молодости был мой дед, и запомнились ему поэтому только помидоры и сушеная рыба. Может быть, он там и трахнул кого-нибудь, и мне встретилась теперь дальняя родственница, потому что такая полнота совпадений, такая страшная тяга – всей кожей к чужой коже – бывает или во сне, или, говорят, при инцесте. То есть не говорят, а пишут – у любимой английской сочинительницы был рассказ о том, как героиня отдается однокласснику отца, не подозревая, что он и есть настоящий биологический отец. Я должен процитировать наизусть, как там это выглядит, потому что зачем же пересказывать?

«Время перестало существовать. Все дело в химическом сродстве тел, вернее, их оболочек – человеческой кожи. Они либо сочетаются и сплавляются в единую ткань, растворяясь друг в друге и обновляясь, либо ничего не происходит, как при неисправной проводке. Но когда механизм срабатывает – а сегодня он сработал, – тогда раскалывают небо стрелы, пылают леса... И пусть я проживу до девяноста лет, выйду замуж за очень славного человека, рожу пятнадцать детей, завоюю всяческие театральные призы и «Оскары», второй такой ночи у меня не будет – не брызнет осколками мир, не сгорит у меня на глазах. Но как бы там ни было, я это испытала».

Три ночи она сопротивлялась, на четвертую сдалась, а могла бы не сдаваться – я не почувствовал никакого утоления; невозможно было насмотреться, наобниматься, натрогаться – при том, что, клянусь, внешне там не было ничего особенного. Интересно было только, что она на меня смотрела снизу вверх, с некоторым испугом и выжидательно, и призналась потом, что очень хотела понравиться и притом страшно боялась этого. Я совершенно точно помню, после какой реплики начал к ней присматриваться и как, собственно, пробежала первая искра – это когда я внимательно вгляделся в глаза, увидел, как они меняют цвет, какие они темно-синие, черные с синими искрами, как мартовская ночь, первая ночь с теплым ветром, с разрывами синевы в тучах; чернильные глаза, как их еще называют, цвета синих чернил моего детства. Дальше все очень быстро шло по нарастающей, и больше всего меня в ней поражала доброта, ненавистное человеческое качество: ненавистное именно потому, что я его почти никогда не встречал и решил от греха подальше возненавидеть по принципу «зелен виноград». Она была очень молода, очень добра, очень отважна – средоточие всех совершенств, короче; она не боялась подставляться, не смотрела на себя со стороны ненавидящим взглядом, полностью мне доверяла, была абсолютно естественна, не стеснялась собственного тела, с абсолютной откровенностью рассказывала обо всех печалях своего детства, без которых не получается нормального человека, – о травлях, страхах, маниях, идиотских суицидных мыслях, школьных предательствах, а больше ей почти и не о чем было рассказывать. И четыре дня мы проболтались по Москве, по всем моим родным местам, и оказалось, что мне почти нечего было ей рассказывать в ответ, потому что я немедленно все забыл, как забываешь армейский рацион после того, как впервые после дембеля пообедаешь дома. Ну я, по крайней мере, так устроен. Это, может быть, особое милосердие памяти. Я даже забыл начисто, с какого хлеба и на какой квас перебивался без нее. Мне казалось, что я в жизни уже никого серьезно не захочу, что возраст, пора, в конце концов. Но до этого, как выяснилось, было далеко, а просто я слишком долго довольствовался суррогатами, полужизнью, компромиссом. И я все это забыл. И невозможно было представить, что я буду спать без нее с чужими людьми, с другим человеком. К счастью, у меня были тогда ровные, прочные отношения, не предполагавшие обязательных совместных ночевок, хотя дело шло к браку и непременно им увенчалось бы, и это был бы, наверное, не худший брак. И я даже сочинял что-то, и мне казалось очень уютным сочинять в общей тогдашней съемной квартире, и меня не смущало чужое присутствие, которого я теперь не мог и вообразить. Все немедленно стало чужим до такой степени, что меня передергивало от любых случайных прикосновений в метро. Это началось сразу после того, как я ее проводил на вокзал.

На вокзале еще было истерическое веселье – мы думали, что у нас полно времени: пошли в ресторан, заказывали что-то, всего этого не оказывалось, и при каждом новом обнаружившемся обломе мы принимались хохотать все громче и даже радовались, кажется, отсутствию всей этой пищи, потому что можно было вместо еды опять обниматься; она улеглась на безобразный плюшевый диван, положила голову мне на колени, принесли единственное имевшееся – напрашивается вымя, но это были пельмени. В меню было написано, что с XV века пельмени триумфально шествуют по Зауралью. Мы вообразили это триумфальное шествие, с флагами, хоругвями, боевыми криками, – тут я посмотрел на часы и ахнул: срочно заплатили за всю эту несъеденную еду и побежали. «А ты бы хотела опоздать?» – «Знаешь... скорее... бессознательно», – выговорила она на бегу (она не умела и не любила бегать и в этом тоже признавалась очень легко; при всей легкости и худобе ненавидела всякий спорт). Я впихнул ее в вагон, она выскочила обратно, несмотря на крик проводницы, – поцеловаться, и снова я почувствовал этот ни на что не похожий вкус. Вообще, никогда не понимал, когда читал или слышал о вкусе чужих губ. Они бывают гладкими или шершавыми, сухими или пухлыми, но здесь у них был ни на что не похожий вкус – солоновато-сладкий, и я ей успел сказать, что не было в моей жизни ничего вкусней, чем она. «Самое вкусное, чем меня кормили». Проводница взревела совсем уж сиреной, и мне пришлось отскочить от вагона. Тут и поезд тронулся, и поначалу я чувствовал себя легко и уверенно, и на перроне мне все улыбались – такая аура счастья меня окружала; но дальше, уже в метро, начались проблемы.

Я нарочно поехал в метро, потому что, видите ли, есть у меня такое суеверие, особенно обостряющееся в моменты счастья, что за все это придется платить и надо срочно отдать в чем-то малом. Все люди с Obsessиями – то есть, строго говоря, вообще все люди – делятся на тех, кто этим Obsessиям особенно подвержен в опасности, и тех сравнительно немногих, у кого они обостряются в радости. Для меня радость – отклонение от нормы, я привык к тому, что всем неудобен и почти всем неприятен, и когда меня любят – такое бывает, не поверите, – мне хочется немедленно чем-то отдать, хоть деньгами. Потому что неизбежно ведь придется платить. Мне всегда хочется в таких случаях, я не знаю, попасть под машину. Не смертельно, конечно, и не серьезно, но как-то нарваться на неприятности, пока еще мелкие, потому что пока еще можно. Самое ужасное – встретить именно такую любовь, такую дикую полноту всех совпадений, и после этого, на пике счастья, вдруг ослепнуть, или арестуют за любую ерунду, или убьют по ошибке (или не по ошибке, все мы заслуживаем, это очевидно). И я прямо в метро начал думать, что срочно надо в чем-то отдать, и подавал всем нищим, в чьих благодарностях мне уже слышалось ехидство.

И еще: вам, конечно, должно быть знакомо это чувство, это дикое подозрение, что все подосланы. Когда-нибудь им всем особо еще отплатится за то, что мы перестали друг другу доверять, что самое человеческое, самое вкусное, что у нас вообще бывает – любовь, совместный сон, и они отравили в первую очередь. Все эти выкладываемые порносъемки, все эти подсылаемые девки. Самое интересное, что мне однажды подослали. Тогда я всерьез испугался: значит, они придают мне значение! Старый поэт, учитель и друг, помог мне отбрехаться: я написал этой девочке, осаждавшей меня письмами и подстерегавшей после выступлений, гомерическое письмо, полное стихотворных цитат и рассуждений в духе школьных песенников, и она отстала, потому что, кажется, все поняла. Я до сих пор не знаю, что в этом было бы такого компрометирующего – подумаешь, трахнул начинающую актрису, – но потом понял: у них одна цель – все загадить, заср...ть. Любовь они точно загадили, потому что теперь в каждой девушке, да что там – в каждом друге, в любом человеке, который тебя узнал на улице и остановился поздороваться, видишь агента. Эта чуженина влезла во все отношения. Я успел, кстати, высказать ей эти подозрения уже на второй день: откуда ты так все про меня знаешь? И она усмехнулась: «Нас готовят». Это было отлично, и я успокоился, а теперь вспомнил: ведь в каждой шутке только доля шутки?!

Самое ужасное, что влюбленному хочется со всеми говорить о предмете своей любви, невозможно вечно носить это в себе, и я говорил – и только тут меня резануло, до какой степени, оказывается, чужими были мне все так называемые друзья. Они мгновенно стали именно так называемыми. Самое странное, что никто за меня не радовался. Это теперь я понимаю, как их всех грузили мои неуместные исповеди, как им было в самом деле не до меня, как неуместен и даже бестактен казался я им со своим счастьем. Священники, психоаналитики, старые писатели знают: когда к ним навязываются со своими исповедями, обязательно повторяют: такого вы еще никогда не слышали! Но они слышали все, и представьте себе, как ужасен должен быть сорокалетний, уже лысеющий мужик, тогда еще, кстати, официально женатый, рассказывающий о романе со студенткой на двадцать лет младше себя! Вообразите, каков я должен был им казаться со своей болтливой любовью, с рассказами об ангельском виде и характере новой пассии, и вы легко представите себе типовые реакции. Реакция А: все это столько раз уже было, мы столько раз от тебя все это выслушивали, и ровно теми же словами! А теперь вспомни, где А, Б, чем кончилось с В, которую ты потом вообще караулил у подъезда, потому что она изолгалась... Почему еще и об этом надо было мне напоминать! Они доказывали мне полную бесперспективность этих новых отношений с тем же злорадством, с каким

атеист объясняет верующему тайну фокуса со священным иерусалимским огнем. Им кажется, что это фокус, а главное – они убеждены, что разоблачение этого фокуса убивает главную загадку мира! Второй тип реакции: да ладно, это даже хорошо, что ты еще способен на такие сильные чувства. Неважно, что получится, но сейчас тебе хорошо. Это произносилось с таким кислым, кисло-сладким видом, с такой априорной уверенностью в том, что ничего хорошего не получится, – я еле сдерживался, чтобы не заорать в ответ. Им всем всегда хочется, чтобы не получилось, потому что они и есть чужие, эмпатия у них на нуле. И с тем большей остротой я вспоминал, как реагировала на все она, как перекашивалась от физической боли, когда я ей рассказывал про собственную мигрень. Она не просто читала мысли, но полностью включалась в любое чужое переживание, не только в мое, – добрый балованный поздний ребенок из книжной провинциальной семьи; и, пересказывая это даже ближайшему другу, я видел, какой пошлостью, какой банальностью ему все это кажется. Все было чужое после нее, вообще все, и я лишний раз оценил собственную давнюю догадку: нам так неохотно подбрасывают своих, чтобы мы не понимали, какой это ужас – чужие. Люди в метро вообще казались инопланетянами, забравшими меня к себе для исследований. Я не понимал, что у меня с ними общего. И всего ужасней, что я не понимал, как мне теперь спать с тогдашней подружкой, а точнее как не спать, какие предлоги изыскивать. Я уже и забыл, что бывает это чувство: когда любое чужое прикосновение грязнит, мучает, как грязь в ране. Я скоро перестал о ней говорить с кем бы то ни было. Я даже и представлять ее перестал.

Мы прожили в разлуке уже почти столько же, сколько были знакомы. Я понимаю, как по-идиотски это звучит, когда речь идет о неделе, но тут важно не число, а пропорция. И тогда начался настоящий кошмар: я стал ее подозревать. То есть эта грязь все-таки проникла в язву, и стало нарывать. Само собой, я закидывал ее эсэмэсками, и она, отдадим должное, все время отвечала, и отвечала ровно в своем духе, так что на короткое время этот пожар удавалось залить. Но потом все возобновлялось, а звонить я боялся. Один раз позвонил, и голос показался мне настолько чужим, что я час потом не находил себе места. В Сети была единственная ее фотография, с какой-то студенческой филологической олимпиады, где она была почти неузнаваема, – и я начал уже думать, что мне вообще все показалось, что она на самом деле некрасива, что только от глубочайшего одиночества я мог вообще попасться на эти простейшие приемы... И в последнюю ночь я почти себя уговорил, что она подслана, хотя кому я мог быть так нужен? Нет, не властям, конечно, не всем этим действительно и по-настоящему чужим, которые прилетели к нам неизвестно с какой планеты, уничтожили последних, кто мог сопротивляться, а остальным сделали инъекцию

своей зеленой слизи, и теперь у всех внутри эта зеленая слизь. Нет, я был нужен не им. А может, идиотский розыгрыш все тех же друзей, в которых я теперь тоже не верил; а может, кто-то из коллег... Ведь любовь – такая слабость, и так прекрасно человека на ней подловить! Нет ничего жалче и беззащитней, чем идиот, уже пожилой по меркам прошлого века, поверивший вот в такое, купившийся на три аккорда и пять общеупотребительных цитат... Помесь одиночества, тщеславия и сексуальной фрустрации – вот что такое вы и ваша любовь, – так я уже говорил себе, потому что, видите ли, уже научился смотреть на себя глазами чужих. Бремя мира, в котором появилась она и почти сразу же исчезла, было невыносимо. Я еще мог все это выносить до нее, пока не понимал, что со мной и кто вокруг меня. Но когда она все это открыла и подчеркнула – боже мой, что со мной стало! Всю последнюю ночь я выл. Вставал, пил воду, курил на кухне, ложился, метался, принялся смотреть идиотское кино – мне все любимое кино тогда казалось невыносимой пошлостью, я не понимал вообще, как мог любить все это... Чужой мир меня стискивал, лез в глаза, в рот, я возненавидел собственный запах. И к утру я твердо решил, что никаких отношений не будет. Позвонил ей, но она уже была, видимо, в самолете и не ответила. У нас назначена была заранее – мы обо всем договорились – встреча у того самого музея, куда она пришла меня слушать, нам это казалось страшно романтичным, и я, как идиот, в жару, под сотнями чужих взглядов топтался у этого музея, понимая, что сейчас из-за угла выкатится она со съемочной группой или просто с организаторами розыгрыша и пойдет веселуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bykov_dmitriy/pesn-zapolyarnogo-ogurca-o-literature-lyubvi-buduschem

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)